

В молодом Китае

ИЗ ПУТЕВЫХ
ЗАМЕТОК

★
Борис ЧИРКОВ,
народный артист СССР.

★

Большая страна Китай! День за днем бежит наш поезд с севера на юг, и, кажется, нет конца китайской земле. Позади остаются большие и маленькие города и бесчисленные деревни. Среди прочих промелькнул и Шанхайгуань, прижавшийся к самому берегу Желтого моря. Здесь, от высоких каменных ворот, начинается знаменитая Великая Китайская стена и, не прерываясь, тянется на запад, по горам и степям, на тысячи километров. По мощным, в несколько метров высотой стенам пролегал широкая дорога, на которой свободно могут разбежаться две повозки. Расположенные на определенных расстояниях сторожевые башни как бы узлами связывают отдельные звенья этой каменной цепи, опоясывающей северную границу страны.

В краях, которые мы сейчас проезжаем, много гор, холмов, но здесь мало удобной для посевов земли, люди ее очень ценят, бережно и старательно обрабатывают. Ни один, даже самый крошечный, участок не пропадает даром. Много труда вложено в эту землю поколениями крестьян, и видно, как особенно усердно ухаживают за нею теперь, когда она стала принадлежать трудящемуся люду. На полях такой порядок и чистота, как в горнице у хорошей хозяйки.

Вообще трудолюбие, аккуратность у китайцев поразительны. Эти качества народа сказываются и в большом и в малом. Что бы это ни было — сооружение ли гигантской плотины на реке, разорывшей в половодье миллионы гектаров плодородных земель, постройка ли новой дороги, — на каждое дело народ идет дружно и радостно.

Часто на перронах вокзалов стоит народ, ожидая приезда советских гостей. Члены нашей делегации выходят из вагона, и начинаются горячие беседы. Иногда целые группы молодежи в ярких цветных халатах, вооружившиеся бубнами, барабанами, флейтами, устраивают здесь

же, на платформах, импровизированные концерты с пением и танцами.

В поздний ночной час поезд прибывает в бывшую гоминдановскую столицу — Нанкин. Город давно уже спит, но платформа и обширная привокзальная площадь из конца в конец запружены народом, пришедшим поглядеть на советскими людьми. Гремят оркестры. Нас задерживают цветами и засыпают разноцветными кружочками конфетти. Все — и хозяева и гости — счастливы, что участвуют в этой встрече любви и дружбы.

Но вот и Нанкин позади. По обе стороны от железнодорожного пути широко раскинулись залитые водой рисовые поля. Крестьянские домики, как маленькие острова, стоят прямо в воде, люди сообщаются друг с другом только на лодках. Слева от дороги несет свои воды Янцзы. Река расположена выше, чем поля, и поэтому поля ограждены земляными насыпями. По насыпи падают люди в широких конусообразных шляпах, служащих одновременно и головным убором и зонтиком, спасающим от дождя.

Больше пяти суток пробыл наш поезд в пути. И вот, наконец, мы прибыли в Кантон — самый большой город на юго-востоке Китая. Свыше миллиона человек живет и трудится в этом городе. Кантон — крупнейший порт этой части страны. Он-то и был той дверью, через которую более ста лет тому назад впервые вломилась в Китай европейские и американские империалисты. Через эту же дверь последние их остатки были выпрыгнуты из Китая Народно-освободительной армией четыре года тому назад.

Кантон — город славных революционных традиций, во многих его районах мы видели памятники боевой деятельности свободолюбивых китайских патриотов, героически боровшихся против иност-

ранных захватчиков, императорских и гоминдановских сатрапов. С большим интересом осматривали мы старую школу крестьянских пропагандистов. В 1926 году руководил ею и преподавал в ней товарищ Мао Цзэ-дун. Сюда люди съезжались со всех концов страны и после нескольких месяцев учебы разбегались по деревням вести революционную работу среди крестьян.

В декабре 1927 года восставшие рабочие Кантона провозгласили Коммуну. Но только три дня развелась над городом алый флаг свободы. Со звериной ненавистью и лютой беспощадностью бросились гоминдановские полицейские на подавление народного восстания. Было убито 8 тысяч революционеров, и Коммуна пала.

В здании бывшего полицейского управления, где в те дни помещался революционный штаб, теперь развешены многочисленные фотографии, на которых запечатлены события тех кровавых дней.

И еще есть один памятник в Кантоне, с которым обязательно нужно познакомиться. Его оставили после себя иноземные империалисты, долгое время бесцеремонно хозяйничавшие в стране.

Идите по набережной реки Сицзен, на пути вам встретится канал, который окружает большой кусок городской территории. Таким образом, в центре города был искусственно создан остров Шаман. Выглядит он, как богатый район какой-нибудь европейской столицы, только, пожалуй, распланирован более просторно. Но массивные, солидные особняки и виллы, окруженные высокими заборами, с железными воротами, похожи скорее на маленькие крепости, чем на жилые дома. Зато старательно замощенные мостовые и тротуары, обсаженные тенистыми деревьями и цветущими кустарниками, так и манят прогуляться по ним в жаркий день. Здесь тишина, покой и прохлада. Хорошо!..

Но жители города, сами кантонцы, никогда не ходили прежде по этим улицам-аллеям. В самые нестерпимо знойные дни

они шли под палящими лучами солнца по противоположному берегу и настороженно поглядывали на часовых в чужеземных военных мундирах, карауливших остров, на пулеметы у мостов, скалившие свои стальные насти на город. Китайцам, хозяевам страны, вход на остров был строго запрещен. Так было до тех пор, пока многострадальный китайский народ не напряг свои могучие силы и не выкинул из Кантона, Шанхая, Пекина, Мукдена, со всей своей земли всех тех, кто его грабил и унижал.

И вот мы ходим вместе со своими товарищами китайцами по улицам острова Шаман, по всему Кантону, по фабрикам и клубам, школам и театрам и смотрим, как бурно и весело идет новая жизнь народа, как преобразается лицо страны.

Улицы Кантона шумны и оживленны. Пестрая толпа. Яркие национальные костюмы. Сменяющаяся детвора. Множество фонариков и флажков придают городу праздничный вид. Бойко торгуют магазины, закусочные, ресторанчики, и повсюду масса покупателей. Заботливые хозяйки толпятся в лавках, закупают провизию и спешат по домам.

Загляните к ним в корзинки, — говорит сопровождающий нас китайский товарищ, — и вы поймете, как резко изменилось у нас положение рабочих и служащих за эти годы. Прежде, до освобождения, большинство рабочих семей жили впроголодь. В лучшем случае жидкая рисовая каша была их единственной пищей. Мясо и рыбу они ели два-три раза в год. Овощи попадали к ним на стол очень редко.

Следуя совету нашего провожатого, мы поглядываем на содержимое корзинок и, действительно, почти во всех из них видим и овощи, и фрукты, и рыбу, и мясо.

Долго гуляя по городу, мы вышли на набережную реки Жемчужной, и невиданное еще зрелище предстало перед моими глазами. Сотни, нет, тысячи лодок, джонок и барж стояли на якорях, тесно прижавшись друг к другу. Начинаясь у берега, ряды их доходили чуть ли не до середины реки. Это был целый город на воде, с улицами и переулками, только вместо обычных домов здесь были лодки, которые

служат людям жильем. На джонках течет своя привычная жизнь. Хозяйки моют и убирают жилища, готовят обед, что-то пьют. Крохотные ребятишки бегают по своим лодкам так же уверенно, как наши дети по суше, только к талии каждого малыша привязана веревка или тоненькая палочка, чтобы сейчас же вытащить его, если он свалится за борт.

— Прежде, — говорит наш спутник, — привязывали только мальчиков, будущих кормильцев семьи, а девочки считались лишним ртом, обузой, они могли бежать и падать свободно. — Бывая в сторону лодок он продолжал: — Это мы получили в наследство от старого режима — весь этот город. Никогда раньше никто не подумал о том, чтобы помочь им поселиться на земле. И лишь теперь, после освобождения, народное правительство приняло решительные меры к тому, чтобы обеспечить этим людям нормальные условия жизни. Уже строятся дома, в которые их начнут переселять. А пока что для них открыты здесь же на воде больницы, школы, библиотеки, каждый день сюда приезжают плывучие лавки.

Мы приблизились к большому деревянному дому, укрепленному на бамбуковых поплавах у берега. Это была школа. В открытые окна нам виден был класс, где сидели малыши, склонив головы над тетрадками. Раскачивавший между партами молодой учитель в черной куртке проверял, как его маленькие питомцы, вооруженные кисточками, вывели на бумаге замысловатые иероглифы.

В один из дней мы побывали на текстильной фабрике, которая пока еще принадлежит частному владельцу. В просторной комнате, окруженные работницами, мы пили обязательный в китайском обиходе чай и беседовали. Председатель фабкома товарищ Ли Мин рассказывал нам, что делается у них на предприятии.

— Прежде мы жили каждый сам по себе, в одиночку боролись с нищетой, с голодом. А теперь живем дружно, сообща. Вы уже, конечно, узнали, как все у нас изменилось в стране. Перемены произошли не только в каждом городе, а и в каждом доме. И наша фабрика стала другой. Она, правда, принадлежит еще частному хозя-

ину, но все порядки на ней стали другими. Мы работаем теперь по государственному заданию. Наш труд идет на пользу всему народу. От этого и работать мы стали лучше. Производительность труда у нас поднялась на 20 процентов. Мы стали работать по методу вашего товарища Ковалева.

И дальше уже пошел общий разговор, мы едва успевали ловить сыпавшиеся со всех сторон реплики:

— Теперь вместо заграничного сырья мы пользуемся своим!

— До освобождения мы работали по 12 часов в день, а теперь только восемь.

— Зарплату стали получать гораздо большую.

Одна из наших собеседниц, молоденькая работница, смущенно предложила: «А вы зайдите к нам в дом». И уже более решительно стала настаивать: «Нет, зайдите, зайдите. Мы вам покажем, как мы теперь стали жить. У меня вот есть уже сбережения в банке, а мой брат купил себе велосипед».

— Многие кушили велосипеды, — встала пожилая работница, — и мой сын тоже.

И снова заговорил Ли Мин:

— У нас на фабрике открыт медпункт. Есть уже ясли. Конечно, нам еще много не хватает, но зато теперь нам ясен путь, по которому мы пойдем к радостной жизни.

Трудно перечислить все места, где члены нашей делегации побывали за дни, проведенные в Кантоне. Мы ездили в громадный ботанический сад, где между великими диковинными растениями видели дыни, растущие на деревьях. Смотрели новый плавательный бассейн в будущем Парке культуры и отдыха, который пока что состоит из недавно посаженных тоненьких прутьев. С интересом осматривали новый стадион на 50 тысяч человек, где места для зрителей вырублены на склонах горы. Побывали в кинотеатрах, где при всегда переполненных залах демонстрировались советские фильмы.

Много милых, хороших людей видели мы в Кантоне. Теплую сердечную память сохранили мы в сердцах о наших верных китайских друзьях.

(Продолжение. Начало в № 92).